

Подписывайтесь на
наши социальные сети

STONE
AN ECOLOGY OF THE
INHUMAN

JEFFREY
JEROME COHEN

КАМЕНЬ
ЭКОЛОГИЯ
НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

ДЖЕФФРИ
ДЖЕРОМ КОЭН

Перевод с английского
Никиты Белобородова

Издательство АСТ
Москва

УДК 1:552
ББК 87.2::26.31
К76

Перевод оригинального издания

Jeffrey Jerome Cohen

STONE: AN ECOLOGY OF THE INHUMAN

Все права защищены.

Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена или передана в любой форме или любыми средствами, электронными или механическими, включая фотокопирование, запись, или с помощью любой системы хранения и поиска информации без письменного разрешения правообладателя.

Коэн, Джеффри Джером.

К76

Камень. Экология нечеловеческого / Джеффри Джером Коэн ; перевод с английского Н. К. Белобородова, под редакцией М. С. Неаполитанского. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 576 с. — (Слово современной философии).

ISBN 978-5-17-159778-8

Древнегреческий миф повествует о том, как царь Сизиф был приговорен богами толкать тяжелый валун в гору, но его усилия были тщетны: стоило камню достигнуть вершины, как он скатывался вниз. За многочисленными интерпретациями мифа мы не замечаем: никто не рассказывает о падающем валуне. Между тем камень явно обладает собственной агентностью и борется за статус главного героя: нечеловеческое — с человеческим.

Джеффри Джером Коэн, директор Института изучения Средневековья в Университете Джорджа Вашингтона, предлагает посмотреть на камень не как на реквизит, а как на протагониста истории и нарративов. Взяв на вооружение постгуманистическую исследовательскую оптику, в стремлении понять мир с точки зрения нечеловеческих акторов Коэн находит неожиданного союзника: средневековую литературу. Повествования об оживших самоцветах, раскрывающих двери курганах, полулегендарных рыцарях и королях вставляют палки в колеса антропоморфизма; они полны витальности и метафизики, которые бросают вызов стремлению снять чары с мира, свести материю к сырью и умалить ее через призму утилитарности.

УДК 1:552
ББК 87.2::26.31

© by the Regents of the University of Minnesota,
authorized translation from the English edition
published by the University of Minnesota Press, 2015
© Н. К. Белобородов, перевод на русский язык, 2024
© М. С. Неаполитанский, статья, 2024
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-159778-8

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ.	
Бросьте камень — и вы разобьете онтологию (<i>М. Неаполитанский</i>)	7
ВВЕДЕНИЕ	
Рассказы камня	17
ГЕОФИЛИЯ	
Любовь к Земле	47
ОТСТУПЛЕНИЕ	
Вес прошлого	127
ВРЕМЯ	
Упорство камня	136
ОТСТУПЛЕНИЕ	
Неизвестное сердце	221
СИЛА	
Похождения камня	225
ОТСТУПЛЕНИЕ	
Геологическое	313
ДУША	
Жизнь камня	323
ПОСЛЕСЛОВИЕ	
Исландия	417
БЛАГОДАРНОСТИ	424
ПРИМЕЧАНИЯ	431
БИБЛИОГРАФИЯ	526

ПРЕДИСЛОВИЕ

Бросьте камень — и вы разобьете онтологию

Эта книга может показаться вполне знакомой русскоязычному читателю. По настроению она во многом похожа на другие работы вокруг темы нечеловеческих исследований, которые были изданы на русском языке за последние пять-семь лет. Здесь есть и личные истории автора, и положительное отношение к неживой материи (в нашем случае — к камню), и большое количество идей из современной философии. Однако если другие авторы выбирают исследовать то, что происходит сейчас — от экологических проблем массового животноводства до присутствия нефти во всех сферах жизни, — то Коэн немного смещает оптику. В центре этой книги три элемента: собственно камень как главный герой, постгуманизм как часть исследовательского инструментария и средневековая литература в качестве основного материала, на котором строится книга. Именно третий элемент отличает эту книгу от многих других.

Благодаря погружению в Средние века Коэн уносит читателя из привычного ландшафта современной критической теории и показывает ему мир, наполненный ожившими самоцветами, полупоэтическими королями и путешественниками-выдумщиками. За счет этого книга становится слоистой, как земная кора: по пути к Средним векам можно встретить ли-

тературоведческий, исторический и экологический слои. Все они пребывают в особой — немного застывшей, вероятно, немного каменной — гармонии. И вот как она получается.

Действительно, Джеффри Джером Коэн, директор Института изучения Средневековья в Университете Джорджа Вашингтона, подвергает камень самому пристальному рассмотрению. Можно подумать: ну камень и камень, зачем его так подробно описывать? Но Коэн с первых страниц отвечает: камень — это не просто молчаливый спутник наших походов на пляж или в горы, пассивный материал для строительства или патрон для детской рогатки. Камень — это участник культурных и социальных процессов, который демонстрирует неразрывную связь природного и культурного мира, живой и неживой материи. Среди главных друзей камня Гальфрид Монмутский, Альберт Великий, Джон Мандевиль и Исидор Севильский. Эти средневековые авторы становятся у Коэна проводниками в философскую, научную и христианскую литературу того времени. Так, немецкий философ-схоласт Альберт Великий, автор работы «О минералах», по наблюдению Коэна, осознал, что «каждый неподвижный камень представляет собой поле битвы сил: его землистость и сгущенная водянистость тянут его в глубины земли, а кусочки воздуха и огня тянутся к небу, превращая кажущийся неподвижным кусок материи “в микрокосм согласия-в-раздоре...”»^{*}.

Альберт Великий жил в XIII веке, однако его отношение к камню сходно с тем, которое описывает современная исследовательница витализма Джейн Беннетт в своей книге «Пульсирующая материя»^{**}.

^{*} Наст. изд. С. 410.

^{**} Беннетт Д. Пульсирующая материя. Политическая экология вещей. Пермь: Гиле Пресс, 2018.

Для нее материя и камни в частности — это нечеловеческие акторы, которые кружатся в одном танце с людьми. Такие сходства важны для Коэна. Он выбирает камень связующим элементом различных традиций, которые — как это ни странно на первый взгляд — одинаковым образом рассматривали нечеловеческую природу вокруг нас. Коэн совершенно спокойно может сослаться на средневековые лапидарии, а затем процитировать Бруно Латура, словно в мире камней эти явления находятся совсем рядом, на одной плоскости. Сам Коэн называет это «каменным товариществом» — таким союзом, который становится возможен благодаря способности камней к созданию общих историй и нарративов. Камень и как метафора, и как реальный объект легко входит в процессы строительства человеческих концептов. Отсюда — неожиданность, но в то же время плавность таких переходов.

Книга «Камень. Экология нечеловеческого» состоит из девяти глав, включая отступления. Основные главы посвящены фундаментальным темам, которые рассматриваются в контексте «каменной жизни»: это темы любви, времени, силы и души. Коэн начинает свою книгу с парадоксального вопроса американского эколога Альдо Леопольда: «Что значит мыслить как гора?» Коэн приводит слова Леопольда, что «гора живет достаточно долго, чтобы слушать волчий вой объективно. Горы втайне имеют о себе мнение»*. То же самое с камнем — эта книга старается показать, в какой оптике у камней есть мнение и свое мышление. «Мыслить как камень» для Коэна — не просто метафора. Эта, скажем так, установка является частью исследовательской задачи: камень-проводник помогает «изобрести» концепты геофилии и литического

* Наст. изд. С. 19.

времени, увидеть ожившие силы материи и понять, как происходит одушевление минералов не только в рамках алхимических фантазий.

В случае камня метафоры тоже материальны. Повторим, что книга Коэна имеет немало сходств с другими текстами, недавно изданными на русском языке. В первую очередь вспоминается книга Донны Харауэй «Оставаясь со смутой. Заводить сородичей в хтулуцене»*. Коэн и сам пару раз ссылается на Харауэй, но главное не в этом. Обе книги рассказывают те истории и говорят о тех теориях, которые обычно исключаются философией, задвигаются на задний план**. Харауэй делает героями своей книги голубей, собак, цветы орхидеи, кораллы и экологическую небезопасность современности. Камень — тоже герой антропоцена, только его нечеловеческая запутанность наступила немного раньше: почти что со времен жизни Аристотеля. Коэн, как и Харауэй, призывает выслушать и узнать истории камня, то есть оказаться в пространстве тех нарративов, которые формирует этот объект в качестве героя литературы и удивительных путешествий в далекие страны (какими они казались средневековому человеку)***.

* Харауэй Д. Оставаясь со смутой. Заводить сородичей в хтулуцене. Пермь: Гиле Пресс, 2020.

** О рассказывании историй Харауэй пишет, что нам нужны «личные геоистории деантропоцентризации». То, что может быть рассказано вместо великого нарратива о великом субъекте. О том же пишет и Коэн: «Рассказывать историю с помощью камня — значит интенсивно жить в этом предлоге “с”, переходить от одиночных индивидуумов к экосистемам, средам, совместным агентностям и компаньонским качествам».

*** Безусловно, книга Харауэй не единственно близкая по духу Коэну. Нельзя не вспомнить Эдуардо Кона с его работой «Как мыслят леса», Тимоти Мортон с его «Гиперобъектами».

Благодаря камню Коэн делает некоторых персонажей из истории философии более живыми и близкими к современности. Например, Августин, автор «Исповеди», предстает достаточно трагическим персонажем, переживающим крах прежнего миропорядка и ищущим хоть какую-то стабильность в кусочке окаменелости, найденном на пляже: «На побережье в Утике Августин рассматривает ископаемый зуб и обнаруживает, что течение времени — это непрерывное уменьшение. Закончился век патриархов, угасает эпоха греков и римлян, вечный Рим пал под натиском хищных вестготов Алариха. Августин стоит на пороге эпохи и элегически отмечает ее уход, сохраняя веру в лучшее время, которое было, и в лучший день, который грядет»^{*}.

Так камень позволяет вывести привычных для нас персонажей из их прежних амплуа. Вера в лучшее время? Это тоже про камень. Августин и Альберт Великий? Камень для этих философов — часть их концептуального творчества. Не случайно Августин в книге «О граде Божием» подчеркивает разницу между Каином, основателем первого человеческого города, и Авелем, странником, который знал, что единственное прочное жилище — небесное. По этому поводу Коэн поэтично замечает: «Выживание рукотворных архитектур мало интересует Августина — что не удивительно, учитывая недавнее разрушение Рима»^{**}.

Камень придает философии осязаемости, а книге Коэна — собранности. По ходу чтения вам внезапно может показаться, что текст рассыпается на ходу (из-за большого количества отступлений, длинных цитат и разнообразия источников), однако у него

^{*} Наст. изд. С. 166.

^{**} Наст. изд. С. 163.

есть то, что постоянно возвращает повествование в прежнее русло. Коэн и сам говорит о «подземных корнях», сравнивая вершины гор с гигантскими минеральными растениями, которые стоят на камнях. На таких же камнях стоит и эта книга.

Камень-корень собирает нечеловеческую экологию, придавая жизнь и порой даже жизненность тому, что неподвижно лежит и не бросается в глаза. Камни способны совершить революцию, как это было в XIX веке, когда открытие древности камня привело к «революции времени». Камень способен быть корнем и фундаментом, но Коэн показывает, что такая основа в достаточной степени подвижна и революционна. Открытие глубинного времени происходит благодаря горным породам — они становятся катализатором, «без которого мы никогда бы не покинули уютные рамки Средневековья»*.

Если задать *тот самый* вопрос: для каких читателей эта книга? — однозначного ответа точно не будет. Выше шла речь о философии, однако Коэн совсем не останавливается на ней. Его книга вполне себе работа настоящего медиевиста, который постоянно анализирует средневековые художественные источники. Коэн сравнивает рыцарские романы и лапидарии, говоря о том, что именно вторые разработали сложный словарь для объяснения нечеловеческих способностей. В то же время для Коэна важно, что у обоих жанров много сходств: «Роман, история, энциклопедия, средневековая наука о камнях — это способы письма, при которых вещи говорят, рассказывают о встречах с нечеловеческим. Как жанры они пересекаются»**. Главное — это приключения камня.

* Наст. изд. С. 147.

** Наст. изд. С. 32.

Для других потенциальных читателей эта книга легко может стать и трудом по экологии. Экологическое Средневековье — так могла бы называться одна из ее глав. Коэн не раз обращается к средневековому поэту, отцу английской поэзии Джеффри Чосеру, который говорил о металлах как о разрушительной силе, ожидающей раскопок. Они прячутся в темноте, пока их не добудут. Добывать металл — значит иметь дело с камнем. Но металлы, в свое время превращенные в монеты, спровоцировали современность экологических кризисов. Коэн пишет, ссылаясь на Чосера, что накопление природных материалов «породило новое средство ведения войн, которое мы бы сегодня назвали торговым капитализмом»^{*}. Это состояние «войны» с нами до сих пор, оно началось с камня, и чтобы как-то его изменить, камень так же требует возвращения к себе.

Камень нарушает привычные рамки времени. Для Коэна время перестает быть философской проблемой и переносится в область экологии. Говоря об изменениях, которые экология вносит в понимание времени, он вспоминает, как в Швейцарии собирались захоронить токсичные отходы в граните Альп, но поняли, что эти горы еще растут. Рост гор — длительный процесс, но он не стоит на месте. Коэн описывает, как швейцарцы вместо этого выбрали для хранилища «глубокие глинистые бассейны Рейна, надеясь, что в этих подземных камерах отработанное ядерное топливо будет лежать в спящем состоянии в течение желаемого миллиона лет изоляции»^{**}. Будет ли это так — покажет само время, материализованное в этом конкретном геологическом состоянии. Процесс столкновения со временем

^{*} Наст. изд. С. 280.

^{**} Наст. изд. С. 193.

похож на столкновение с собственной конечностью, с бытием в отношении к смерти. Коэн подмечает: конечно, нам не обязательно нужны современные радиоактивные отходы, чтобы понять краткость наших сроков на Земле по сравнению с жизнью камня.

Помимо реальных авторов, Коэн делает героями своей книги и каменные постройки — в частности, Стоунхендж. Именно он — тот катализатор, который, как и Швейцарские Альпы, показывает длину жизни камня и горных пород в их безразличии к течению времени. Строители Стоунхенджа имели немало храбрости. Поэтому Коэн пишет: «Возвести такое массивное сооружение, как Стоунхендж — высокие камни, возвышающиеся на сильно измененной земле, — значит лицом к лицу столкнуться со смертностью»*. Камень имеет дело не только с душой и любовью, но и с нашим пониманием смерти и небытия. На страницах книги порой появляется этот холодок: бессмертие камня и смертность тех, кто о нем пишет и читает.

Наконец, Коэн говорит о необычных сплетениях, которые возникают на пересечении опыта земли, камней, явлений религиозной жизни и инаковости. В связи с этим он обращается к разным историям, в том числе к истории Джона Мандевиля — рассказчика из книги путешествий XIV века «Приключения сэра Джона Мандевиля». Коэн пишет, что рассказ Мандевиля о евреях является тем, что можно назвать *геологией средневекового антииудаизма* — тенденцией описывать еврейские различия в понятиях каменного, минерального и застывшего. Часто можно было встретить упоминания «каменного сердца», а христианские рассказы о падении Иерусалима были по-

* Наст. изд. С. 198–199.

священы разбиванию его камней. По Коэну, евреи «несут каменность в себе, странствуя по миру». Наблюдениями такого рода он добавляет еще один слой повествования — сложный, исторический, рассказывающий об инаковости. Безусловно, в центре всего этого — тоже камень. И он же помогает бороться с человеческой исключительностью, как сказал бы Жан-Мари Шеффер, создаваемой за счет исключения других.

Камень приобретает онтологический статус и становится геологическим катализатором мышления. *Онтологический* в контексте этой книги — значит отвечающий, с одной стороны, на самые общие вопросы, о бытии и небытии, существовании и смерти, а с другой — всегда конкретный, имеющий дело с рисками и опасностями материальной жизни. Книга Коэна способна успокоить, она погружает в ту часть реальности, которая обычно остается не только в тени научного и философского знания, но и повседневного наблюдения.

Коэн вспоминает слова Латура о риске, который берут на себя камни, чтобы существовать. Латуру пришла эта идея, когда он гулял по побережью Швеции, рассматривал и собирал гальку. В своей автобиографической статье он пишет (эти слова, кстати, цитирует и Коэн):

есть абсолютно автономный модус существования, который очень неадекватно схватывается понятиями природы, материального мира, внешнего, объекта. И этот мир разделяет со всеми остальными одну важную особенность: риск, принимаемый для того, чтобы продолжать существовать*.

* Латур Б. Биография одного исследования: к работе о модусах существования // Логос. 2017. № 1 (116). С. 236.